



ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

О книге «Диалоги с Зорием Балаяном: вчера, сегодня, завтра» я уже рассказал в предисловии к этому тому. Большая часть ее посвящена проблемам и задачам в основном местным, армянским. И я решил выделить фрагменты, в которых мы с моим собеседником пытаемся раскрыть темы, исследовать явления общие, обобщенные или, выражаясь языком маленьких героев мудрого Корнея Чуковского, «всехние». В частности, мы говорили о том, что во всех бывших союзных республиках вот уже долгие постсоветские годы наблюдается этакий всеразрушающий раскол в обществе, и именно с этой темы хотелось бы начать фрагменты из «Диалогов...». Мой собеседник Гагик Мкртчян, о котором я писал в предисловии, напомнил в который уже раз о расколе. Вот что он сказал:

— *В наших беседах довольно часто повторялось слово «раскол». И тут я понял, что, в действительности, не народ расколот, а интеллигенция. В этом весь ужас. Расколота интеллигенция, на которую, казалось, наш народ возлагал свои надежды. Это само по себе уже беда.*

— Но в этом ничего удивительного нет. Такое бывало во Франции после каждой революции. Было в Германии. Собственно, такое было и в Древней Греции, и в Древнем Риме. Но поистине классическим примером являлась и является Россия. Об этом в свое время писали русские философы-веховцы, о которых я во время наших бесед не раз вспоминаю. Мне думается, на ваш вопрос прекрасно ответил бы Николай Бердяев, который, кажется, первым определил, что беда чаще всего исходит оттого, что интеллигенция бывает идеологически пристрастна...

— *А какой она должна быть?*

— По Бердяеву, она должна быть «профессиональной и экономической группировкой». С понятием «интеллигенция», «интеллигентность» связаны такие философские и моральные категории, как совесть, покаяние, нравственность, чувство

беспокойства за ближнего, за судьбу народа, осознание того, что безнравственно занимать чужое место и так далее, и тому подобное. Но вот чаще всего в предреволюционную, революционную и постреволюционную пору, а также в так называемый переходный период интеллигенция, скорее, напоминает монашеский орден или религиозную секту со своими нравами и обычаями.

— *Здесь, как мне кажется, самое страшное, пожалуй, кроется в выражении «со своей»: со своей моралью, со своими нравами и тому подобное...*

— Конечно. Как бы сейчас, осмелев после перестройки, после обретения независимости, интеллигенция ни охаивала Советы, мы должны серьезно подумать о пережитом нами времени, о накопленном нами опыте. Опуская идеологию социализма (думаю, человечество рано или поздно вернется к притягательным принципам «свободы, равенства и братства», но с честной критикой некоторых концепций марксизма, ленинизма и при ликвидации такого страшного механизма и инструмента власти, как сталинщина), скажу, тем не менее, что за семьдесят лет советского периода мы достигли очень многого. Речь идет не только о прогрессе, о возрождении, о подъеме науки и культуры, о новом сотворении Еревана, об увеличении рождаемости, о совокупном физическом и духовном здоровье людей, но и о том, что под конец мы всем народом были объединены, а не расколоты, интеллигенция не была, я бы сказал, враждебно разобщенной. Способен ли будет какой-либо нынешний до крайности политизированный, по сути партийный, лидер, скажем, во имя интересов родины своими действиями объективно поднять авторитет ярого оппонента, политического соперника? Приведу пример. Отношения между Черчиллем и его «ярким оппозиционером» Эттли. Этот пример из истории Англии даже не так уникален, как принципиален. Я лет двадцать по поводу и без повода привожу его. Уинстон Черчилль и Клемент Эттли долгое время были лидерами соответственно консервативной и лейбористской партий, и борьба между ними подчас доходила, как говорится, до «кровянки». Уже накануне войны «дуэль» между двумя бесспорными лидерами достигла своего апогея. Победил Черчилль и стал премьером с 1940 по 1945 год. Эттли, естественно, оставаясь в оппозиции, вел свою борьбу за власть даже в годы войны. Да так активно, что легендарный Черчилль прекрасно сознавал: на очередных выборах летом сорок пятого года он проиграет. Однако имен-

но летом сорок пятого сначала в Берлине, затем в Потсдаме было решено собраться на первое послевоенное поистине историческое совещание глав стран-победительниц на самом высоком уровне: Сталин, Трумэн, Черчилль. И вот премьер Великобритании, считая себя в первую очередь сыном, а не отцом Англии, обращается к президенту Трумэну и маршалу Сталину... Вот документ, который имеет свой порядковый номер 484. Он гласит: «Личное и строго секретное послание от г-на Черчилля маршалу Сталину. 1. Так как наше совещание, которое начнется 15 июля в Берлине, состоится до объявления результатов выборов в Англии, я считаю целесообразным взять с собой г-на Эттли, официального лидера оппозиции, с тем, чтобы обеспечить полную преемственность британской политики. О своем намерении я уведомил в подобном духе президента Трумэна. 2. Я с удовольствием ожидаю новой встречи с вами. 14 июня 1945 года».

— *И что ответил Сталин?*

— Ответил коротко: «Ваше послание от 14 июня получил. Изложенные вами мотивы, в силу которых вы считаете нужным включить г-на Эттли в британскую делегацию, вполне понятны. 18 июня 1945 года».

— *А мотивы и впрямь были весомые. Ведь, насколько я знаю, в Берлине и в Потсдаме решались очень серьезные вопросы.*

— Там решались судьбы биографий и географий целых народов и стран. Кстати, решалась и судьба Армении. И, может, вопросы, связанные с территорией Западной Армении, были бы решены, если бы Черчилль не взял с собой в Берлин «на тренировку» будущего премьера. Ведь именно Англия выступала активно против возвращения части территории Западной Армении ее истинным хозяевам. Правда, там стоял еще один вопрос — атомная бомба. Однако давайте завершим тему об интеллигенции. Только истинный интеллигент, то есть истинный патриот, мог, презрев личные амбиции, предложить взять с собой ярого политического противника, преследуя единственную цель: не нанести вреда родине, «обеспечить полную преемственность британской политики». Эттли должен был до выборов войти в курс дела, определиться в штормовых волнах и в направлениях подводных течений. У нас же, вспомните, сколько раз мы были свидетелями того, как политические деятели, дабы насолить руководителю, поступали по циничному принципу: «Чем хуже, тем лучше». То есть: чем хуже стране, тем лучше для оппозиционера.

— *Нас замучили «новые армяне», которые идут на все, дабы заработать деньги. В последний раз с трибуны парламента говорили о проблеме телевизионных лото. Кстати, мы, наверно, должны будем коснуться этой темы, в частности, и подобного рода тем — вообще.*

— Насколько я помню, за полгода наших бесед у нас почти не было никаких противоречий по части выбора темы. Но вот тут у меня не то чтобы душа не лежит или я категорически против... Тут другое. Я уже говорил, что публикация наших бесед или раздумий приходится как бы не ко времени. Слишком накалена информационная обстановка, в которой пребывает читатель. И вдруг в пору, когда так много у нас нерешенных задач, от которых страдает весь народ, мы с вами заговорим об игре в лото: мол, хорошо это или нехорошо, морально это или аморально. Все эти лото, казино, бинго, мыльные оперы, голые бабы и тому подобное — не более чем детские болезни переходного периода. Нам придется ими переболеть, как пришлось в детстве переболеть детскими болезнями. Мало того, наши бабушки, когда кто-либо из детей заболел, скажем, корью, клали рядом с лихорадящим малышом братишку или сестренку, чтобы заразить и их тоже. Это ведь тоже мудрость. Жизнь — штука серьезная. Она соткана, как бескрайнее полотно, из миллиардов нитей. Конечно, легче всего запретить эти игры. Но тогда как быть с законами? Мы ведь, кажется, провозгласили демократическую республику и страстно рвемся в Евросовет. Можно, конечно, оправдать нарушение закона теми, кто вроде бы безнравственно навязывает нашему, видите ли, трудолюбивому народу какие-то безнравственные игры. Тогда как же быть с вытекающим отсюда вопросом: а насколько нравственно лишать людей права на труд? Насколько морально не платить зарплаты по несколько месяцев врачам и учителям, чиновникам и военнослужащим? И вот на таком фоне мы возьмем да и во имя морали закроем, как кто-то сказал, «казино-мазино, лото-мото, бинго-минго». Закроем, не подумав о том, что оставим без работы еще несколько сот, а может, и тысяч человек, которые кормят пусть таким вот способом свои семьи. Давайте лучше подумаем о законе, надежно защищающем предпринимателя, о законе, карающем государственных грабителей. И тогда все эти социальные «детские болезни» пройдут, как прыщики на щеках молодоженов после свадьбы. Жизнь сама расставит все по своим местам.

— *Вы часто повторяете, что мудрый Дэн Сяопин, чтобы спасти великий Китай, чтобы вывести страну из глубокого кризиса, дал четкую формулу спасения: «Надо целовать предпринимателя в лоб».*

— Все верно. В последние месяцы я тысячу раз повторял эту истину, которую у нас никак не хотят усвоить и освоить...

— *Вы не дослушали до конца. Читатель спрашивает вас... лично вас: «Если вы придерживаетесь этого принципа, то целовали бы сами лоб нашим предпринимателям?»*

— Скажу, положа руку на сердце: любому армянскому предпринимателю, кто своим бизнесом открывает рабочие места и тем самым кормит часть народа, кто дает стране нужную продукцию, а стало быть, делает ее богаче и могущественнее, кто платит налоги государству, то бишь платит тому же врачу, учителю, чиновнику, военнослужащему, я готов с высоты моего возраста по-отцовски поцеловать лоб и низко ему поклониться.

— *Вообще вместо того, чтобы объединялись предприниматели, объединяются бездельники, называющие себя политическими партиями, организациями. У нас некоторое время назад наблюдались попытки объединиться по типу российского Союза промышленников, но, мне кажется, бурный исход населения помешал реализации этой идеи.*

— Предпринимателей, я буду упорно и упрямо повторяться, объединит эффективный закон, который поможет сделать прибыльным взаимодействие, выгодным сотрудничество. Не случайно ведь, что буквально на планетарном уровне самым популярным и самым спасительным законом считается анти-монопольный.

— *Говорят, в бизнесе принцип «не мешать друг другу» — это химера. Нонсенс. Капитализм — это конкуренция. А конкуренция — это вражда.*

— Не думаю, что это так. По крайней мере, в Армении бизнес должен иметь какую-то свою специфику. И вот почему. Для меня сегодня Армения, не «эта страна», а «наша страна» — мост, висящий над пропастью. Может, кое-кому не понравится этот образ, но я ничего опасного в нем не вижу. Есть только один естественный нюанс: по такому мосту, как известно, нельзя ходить в ногу. Ибо, если шагать в ногу, что кажется более удобным и даже красивым, то мост развалится от резонанса. Только не в ногу! Только — самостоятельный шаг каждой отдельной личности. Лишь одно трещит от любого из нас: не

мешать идущему рядом, не толкаться, не наступать друг другу на пятки. Короче: нам не выгодно, нам опасно шагать в ногу. Это, конечно, не значит — разброд и раскол.

— *Не надо забывать, что мы армяне. И не можем не толкаться, не можем не наступать друг другу на пятки.*

— Я не разделяю этот набивший оскомину штамп. Когда сами говорим о себе: армянин роет армянину яму, армянин завистливый, мстительный, злопамятный, эгоистичный, одиночник, словом, такой-сякой, так и хочется воскликнуть: «Остановись, приятель!» То же самое о себе говорят русские, евреи, иранцы, словом, все. Погляди вокруг себя. Начни с матери своей, переведи взгляд на отца, на бабушку, на дедушку, погляди на пожелтевшие от времени фотографии своих предков с красивыми лицами, добрыми глазами, вспомни свою первую любовь, свою первую учительницу, школьных друзей, своих однополчан, посмотри глазами Сарьяна на Арарат, глазами Амбарцумяна на звездное небо, вслушайся в исповедь Нарекаци перед Богом, в музыку Комитаса и в голос Лусине Закарян, в набат несмолкающей колокольни Севака, в крик новорожденного, в плач матери над могилой сына, отдавшего жизнь за свободу. Вспомни жизнеутверждающие слова карабахской матери, тикин Раи, из Машкалашена в час похорон героя: «Я отдаю в жертву Родине своего второго сына, но не дай Бог, если вы позволите врагу осквернить нашу землю». Знаете, какие надписи мне доводилось читать на могилах наших героев в Армении и Арцахе? «Долг — Родине, Вера — Богу, Честь — мне». Или: «Я стал свободной землей». Или: «Я счастлив, что для Родины сделал все, что мог». На могильных плитах можно прочесть известные человечеству мудрые мысли: «Для Родины сделано недостаточно, если не сделано все»; «Светя другим, сгораю сам». Последние слова написаны на надгробном камне врача Валерия Марутяна, который сделал сам и организовал во время войны более десяти тысяч операций. Родители и друзья высекали на камне завещания героев, многим из которых не было и двадцати. А ведь речь идет не о единицах. Более шести тысяч добровольцев полегли в землю, став родной землей. Убежден, никто из них не рыл яму другому, не был эгоистичным, не был завистливым. А ведь шесть тысяч — это тоже народ.

Вспомните, как миллионный людской поток медленно течет, как траурная река, на священный холм Цицернакаберд, думая не только о гибели двух миллионов соотечественников в 1915 году, но и о том, что мы не территории потеряли, не ка-

кие-то там вилайеты, а Родину, Армению. И, помня о прошлом, люди думают о будущем. Вспомним, как миллион ереванцев и жителей Армении собирались на митинг, запрудив все площади и улицы города, но при этом, как часто тогда писали, они не вытоптали ни одной травинки. У меня создается впечатление, что кому-то очень нужно денно и нощно охаивать наш народ, втемяшить в наши головы, что мы немощные, что мы можем выжить, только находясь в рабстве у сменяющих друг друга фараонов, что армянин чуть ли не генетически болен наследственным недугом — ксеноманией (тягой к чужбине), что только армянин мог сказать: «Где хлеб, там и оставайся». Так вот, повторяю, я могу привести целую прорву примеров из истории и быта других народов, о которых можно было бы говорить буквально все то, что мы говорим сами о себе. И вообще, если бы вы знали, сколько доводилось мне видеть завистливых, мстительных, злопамятных и прочих «таких-сяких» в самом сердце России, на Рязанщине, и на далекой Камчатке, на героическом Балтийском флоте и на романтическом острове Сахалин, на выдавших горе и трагедию Колыме и Магадане?! Сколько мы знаем примеров подобного рода из мировой классической литературы?! А какой раскол мы наблюдаем сегодня в России, которую нередко называют не Великой Россией, а Святой Русью. Знаете ли, как разобщены мусульмане и христиане, буддисты и православные, евреи и арабы?

— *Я никак не ожидал, что перед нами во весь рост встанет еще одна неожиданная и сложная по своей сути тема. Тема о нашем народе. Я готов продолжить ее. Как видите, я стараюсь не углубляться в проблемы. И делаю это по двум причинам. Во-первых, я понимаю, что разделяю вашу позицию, а посему не вижу надобности искусственно обострять диалоги только для того, чтобы заинтриговать читателя. Во-вторых, с самого начала наших регулярных встреч и бесед я четко определился и уяснил для себя: нам придется лишь намечать темы, вопросы, проблемы, пытаться лишь поднять завесу, чтобы хотя бы бросить взгляд на тему. И вот в данном конкретном случае, не желая комментировать начатую вами новую тему о народе, хотелось бы спросить: «Как же нам дальше быть?» С одной стороны, мы представляем прекрасный народ с его поистине уникальным достоинством, талантом, феноменальными историческими страницами, неповторимыми шедеврами искусства, литературы и культуры; с другой, как вы сами неоднократно говорили, народ с самоедством, с расколом, с социальной слепотой, в конце концов — с пролитой кро-*

вью от руки армянина в стенах парламента и в ночном Степанакерте. Разве какие-то инопланетяне создали у нас ситуацию, при которой армянин со своей спасительной философией «обходиться малым» оставляет Родину, продает свой дом за цену, на которую можно купить только авиабилеты для членов семьи?

— Собственно, вы заговорили о том, о чем я пишу чуть ли не каждый день. И именно весь этот набор поставленных вопросов является сутью и смыслом моей публицистики, немалую часть которой, кстати, печатали вы сами, а также на страницах газет «Азг», «Урарту», «Голос Армении», «Азат Арцах» и других. Никаких противоречий не вижу в том, о чем я здесь говорил. Да, мы нация; мы и Нарекаци, и Андраник, и Амбарцумян, и Баграмян. Конечно, особенно сейчас можно приводить массу, так сказать, отрицательных имен, однако тщетны будут наши попытки, если мы захотим по принципу контрастности, белого — черного дифференцировать наших соотечественников на хороших и плохих. Во-первых, «а судьи кто?» Или, правильнее, «не суди, дабы не быть судимым». Во-вторых, как мы уже отметили, нельзя в поисках истины переходить на конкретную личность. Нам с вами надо говорить о явлениях. Раскол, да и все наши беды происходят не оттого, что на свет родились, видите ли, плохие люди, которые не дают жить хорошим. Чтобы было понятнее, прибегну к исторической параллели. Прошу при этом сравнивать не личности, а ситуации. Неужели вы думаете, что, если бы в городе Гори 21 декабря 1879 года не родился Иосиф Виссарионович Джугашвили, то в России после Октябрьской революции не появился бы Сталин? Как только возникают соответствующие условия, тотчас же по принципу «свято место пусто не бывает» появляются свои вожди. У всех сегодняшних лидеров, участвующих в параде президентов на всем постсоветском пространстве, есть общий родитель — перестройка, которая была опошлена и извращена на корню, есть даже конкретный крестный отец — Горбачев. Разумеется, Советская держава, как любая другая империя, рано или поздно должна была распасться. Есть здесь свои закономерности. Но Горбачев стал катализатором этого страшного процесса, а путч заменил собой круглую гербовую печать, которая была поставлена на историческом документе. И поэтому смешно, когда вчерашние лидеры Армении хотят убедить не только народ, но и себя самих, что они, как Моисей, вывели армянский народ из советского рабства, завоевали независимость, ликвидировали тоталитаризм и утвердили рыночные отношения. Интересно

знать, какая из бывших союзных республик не стала независимой? Неужели не ясно было, что пришел конец СССР уже тогда, когда сплотившая «навек великая Русь» практически первой вышла из Союза, учредив институт президентства России и свое министерство обороны?

— *Кто-то тогда из русских аналитиков сказал, что независимость упала на головы союзных республик в одночасье, как манна небесная по воле Божьей. Независимыми стали даже те союзные республики, которые ранее никогда не были на географической карте как государственные образования.*

— Технологией распада державы, думаю, занимался уже не Бог, а Сатана. Отсюда и свежеиспеченный культ новоявленных вождей, которые становились ими потому, что, беря у перестройки займы смелость, не только поносили Горбачева и Россию, но и публично оскверняли национальные святыни, оскорбляли, скажем, гордость нации — Сильву Капутикян, которую по праву можно назвать совестью и голосом, честью и душой нашего народа. Вот и под шумок, как это было во многих республиках, пришли к власти младобольшевики, или небольшевики, которые начали свою деятельность с «охоты на ведьм». Они спешно создали систему, рядом с которой тоталитаризм казался просто детской шалостью. Прежде всего выбросили за борт опытных специалистов под видом борьбы с коммунистами. И это по всей стране, по всему Советскому Союзу. Очистив учреждения, ведомства от старых кадров, зная, что над ними нет, как говорится, ни Бога, ни царя, сами провозгласили себя и царями, и божками. Это значит, презрев мораль и контроль, позволили себе беспредел.

— *Мы часто жалуемся на своих соотечественников, находим в народе плохие черты. Но призадумайтесь: виной всему царь, первый секретарь, президент, вождь. Мы ведь — народ.*

— Вы правы: мы не просто армяне. Мы — народ, мы — нация. На протяжении тысячелетий мы прошли сквозь несчетный ад испытаний, неся на себе тяжкий крест. И мы дошли до сегодняшнего дня. Донесли свой тяжкий крест, сознавая, что за Голгофой следует Воскрешение...

— *Надо признаться, что на этом многострадальном тернистом пути поражений и потерь было больше, чем следовало бы...*

— Однако, повторяю, мы донесли свой крест к третьему тысячелетию...

— *Толкаясь и наступая друг другу на пятки. Вспомните ваш мост, по которому нельзя идти в ногу...*

— Это наша природа, наша суть. Наш путь тернистый, апостольский путь. Вот тут уже можно твердо сказать: «Мы не можем как все». Мы индивидуалисты, как поэты. Вся поэзия держится на «Я», «Я», «Я». Не случайно, у нас великое множество великих поэтов на звездном небосклоне и, можно сказать, нет ни одного великого прозаика.

— *Не понял. Как это нет ни одного прозаика?..*

— Я сказал, великого прозаика...

— *Что имеете в виду под этим словосочетанием?*

— Знаете, я боюсь навлечь на себя гнев наших литераторов, литературоведов и даже читателей. Но скажу честно и прямо. Речь идет не о способных, не о талантливых, а о гениальных, короче, о великих прозаиках. То есть речь идет о писателях, подобных Сервантесу, Толстому, Чехову, Достоевскому, Лондону, Гарсия Маркесу, Хемингуэю, Сарояну. Можно назвать и другие имена, начиная, скажем, с Гомера и Шекспира. Разумеется, я называю первых пришедших мне в голову великих. Для успокоения могу добавить: ничего страшного в том, что у того или иного народа нет великого прозаика. Дело в том, что эпические прозаические произведения чаще всего строятся на противопоставлении простого, даже «маленького» человека государственным институтам или идеологии, которые подавляют личность, свободу, права человека. Противопоставляют нравственного человека разжиревшим судьям, бюрократам, властям. Словом, через протест этого самого «простого человека» (вспомним «Овод», «Идиот», «Сто лет одиночества», «Прощай, оружие», в кинематографии — Чарли Чаплина с его «маленьким человечком») гениальный художник гениально раскрывает пороки общества. Не мною сказано, что гениальный художник — это гениальный врачеватель. Повторяю, ничего страшного, что у нас нет гениальных прозаиков, народ наш больше поэт. Никуда не денешься от этого факта. Известно, что большая часть гениальных прозаиков появилась на свет в последние два-три века. И общечеловеческая ценность их заключается в том, что они, избличая пороки на примерах своих стран и обществ, воспевали добро. Как же мог армянин избличать пороки страны и общества, которое целиком было порочным? Ведь именно в последние века большая часть страны Армения находилась в стране, которая называлась Османской Турцией, а общество — турецким.

— *Но ведь и наши гениальные поэты от Нарекаци до Исаакяна, от Кучака до Ширази, думаю, не очень известны миру, как скажем, тот же Шекспир или Достоевский...*

— Мы говорим совершенно о разных вещах. Многие в мире не знают, по большому счету, ни великого Пушкина, ни великого Лермонтова, ни великого Уитмена. Ибо поэзия практически непереводаима.

— *Но мир ведь знает поэта Шекспира и поэта Хайяма.*

— На языки мира переведена не поэзия Уильяма Шекспира, а его драматургия, его сюжеты, не поэзия Омара Хайяма, а его мудрость, его философия. В «Литературной газете» я опубликовал беседу с великим Амо Сагияном, который признался, что настоящая поэзия непереводаима. Ибо настоящая поэзия — это не столько «наилучшие слова в порядке наилучшем», сколько таинство души, своего рода «факел, зажигаемый от божьей искры». Ну, разве можно равноценно переводить Шираза или того же Амо Сагияна с их волшебной игрой слов и образов? Так что гениальный национальный поэт, как правило, это и общечеловеческая ценность тоже. Ибо только поэту дано говорить с Богом...

— *Где-то я читал, что чуть ли не каждый армянин так или иначе в школе или даже в старости грешит стихами. Это как социальная страсть — непременно беседовать с Богом?*

— А почему бы и нет?! Это, скорее, попытка общаться с самим Богом. Другое дело, что такое удается только гениям. Пока, по крайней мере, Григора Нарекаци в этом отношении никто не превзошел. Но вот в вашем вопросе, думаю, заложена концовка темы об индивидуальности армянина, который, казалось, живет сам по себе, делая культ из своей семьи, из своей поэзии, шагает не в ногу по мосту, при этом обладая мудростью поэта и все же осознавая главное: надо держаться друг за друга, хотя часто и не любя друг друга. Можно сказать иначе: шагать не в ногу, но держаться плечом к плечу. И, знаете, как бы мы ни иронизировали по своему поводу, все равно у нас очень сильно развито чувство локтя, чувство плеча. И когда армянин говорит о недостатках и грехах, о просчетах и пороках своего соотечественника, он не всегда осознает, что прежде всего иронизирует над самим собой. Кстати, надо признаться, что, говоря о соотечественниках, мы вовсе не противопоставляем их другим.

— *Я понимаю: мы всех известных в мире исторических личностей считаем армянами — от Наполеона до де Голля, не говоря уже о таком злодее, как Сталин, о таком изверге рода человеческого, как Гитлер. Ищем даже в мало-мальски популярных людях хоть каплю армянской крови, в то же время своих всенародно избранных президентов причисляем к ассирийцам и даже туркам...*

— Это тоже от ироничности армян. Так они могут говорить особенно тогда, когда на сто процентов уверены в чистокровности мишени своей иронии. Если хотите знать, мы ужасно наивные, ужасно простодушные, ужасно честные. Знаете ли вы, что, согласно персидским судебникам, слово армянина, выступающего в качестве свидетеля в суде, не подвергалось проверке. Его честность была возведена в ранг закона. Только армянский народ, находясь на перепутье, когда неверный выбор исторического пути привел бы к полному исчезновению нации, мог пойти по самому каменистому, самому тернистому стратегическому направлению, ведущему к своей Голгофе. Вы думаете, если бы он, народ наш, не хотел взвалить на свои плечи свой христианский крест, то он поддался бы на уговоры и призывы царя Трдата и Григора Просветителя?

— *Я сам над этим не раз задумывался, сознавая, что не так-то просто было тысяча семьсот лет назад одними лишь уговорами убедить народ в решительном изменении не только курса национального корабля, но и флага. А ведь это значит, что нужно было менять мировоззрение, национальную идеологию или, говоря сегодняшним языком, менталитет. Не так просто отказаться от многих привычек, обрядов, обычаев, выработанных в веках язычества, и принять христианскую веру как государственную религию. Это, наверное, куда страшнее, нежели революция. У нас на сей счет, к сожалению, нет исследований. А ведь какие здесь наверняка были бы психологические открытия и коллизии?!*

— Естественно, это было непростое время, и задача перед народом была поставлена непростая. Нет сомнения, что, если бы сама идея не оказалась спасительной и богоугодной, то вряд ли народ принял бы ее. Так было в канун Аварайрского сражения, так было и на заре Карабахского движения. И пусть никто не берет монополию сотворения идеи или ее реализации на себя. Народ. Только народ....

— *Народ, который расколот. Это же надо додуматься — во-семьдесят семь партий, движений и прочих узаконенных групп. Тут никакая народ не выдержит такой идеологической нагрузки...*

— А при чем тут народ? Ни одна из этих восьмидесяти семи партий никакими нитями не связана с народом. Правда, здесь можно сделать кое-какие исключения, да и то, говоря не об Армении, а о спурке. Я имею в виду традиционные партии со своими, тоже традиционными, институтами и фондами: Дашнакцутюн, Рамкавар Азатакан, ну и коммунисты. Все остальное — это не партии в классическом смысле слова, а чиновни-

чьих аппараты. Примерно как в советское время аппарат ЦК со своим штатом. Но тогда было восемнадцать миллионов членов партии со своими первичными организациями, печатными органами. Так что, если группа людей, соблюдая закон о регистрации общественной организации, подает документы в министерство юстиции, и последнее учреждает «часть» (именно так переводится с латинского слово «партия»), то это не значит, что эта самая «часть» является народом. Так что опасность раскола не в том, что в стране много партий, а в том, как их лидеры и активисты спекулируют на доверии народа, особенно на фоне кризиса, голода, холода, исхода...

— *Однако, как бы там ни было, за каждой партией, за каждым, как вы говорите, аппаратом идут какие-то толпы, какие-то группы людей, словом, какая-то часть народа. В сумме это не так уж и мало. А на практике мы имеем раскол.*

— Но не так уж много. Хотя, чего уж спорить, разумеется, чем больше всяких партий и прочих политических или политизированных организаций, тем глубже раскол в обществе даже в арифметическом смысле слова. Вы-то хорошо знаете, что на митинги, кто бы их ни организовывал, в основном идут одни и те же люди. Ну разве только обновляется подиум или президиум, а также первые ряды и, конечно, лозунги и плакаты. Нет, раскол не народ. Расколота так называемая элита, рвущаяся к власти. Раскололись же социал-демократы на большевиков и меньшевиков...

— *Сегодня, как известно, загорелся сыр-бор вокруг попыток реабилитировать Берия...*

— Не сыр-бор, это все, по-моему, называется иначе — «переоценка ценностей». Что касается конкретно Берия, то, насколько я знаю, в силе остается приговор пятьдесят третьего года. Конечно, если бы его оправдали, то это, действительно, было бы святотатством.

— *Россия вроде бы пробовала судом истории судить КПСС...*

— Это был не суд истории...

— *Я имею в виду, что судили не конкретных преступников.*

— С этим можно согласиться лишь при определенных оговорках. Но в принципе Россия не должна была судить КПСС. Кстати, у самого российского народа не было «своей» партии. По крайней мере, начиная с 1925 года, РСДРП (точнее, РКП(б)) была переименована в ВКП(б), а с 1952 — в КПСС. То есть выходит, одна из пятнадцати союзных республик, входящих в Советский Союз, решила самостоятельно судить партию, которая считалась политической организацией единой империи.

— *Но ведь у каждой республики номинально была своя партия, скажем, Коммунистическая партия Армении...*

— Это все от лукавого. Блеф. Устав один. Программа одна. Судьбу всей страны, куда входили все республики, решало Политбюро, в том числе и ввод войск в Венгрию, или Чехословакию, или Афганистан. Так что судить КПСС мог только такой суд, куда, по логике вещей, должны были войти судьи в равном количестве из всех союзных республик.

— *Как в равном количестве? Они же, республики, разные по своим параметрам, по своему потенциалу.*

— В политико-правовом комментарии Конституции СССР, который, кстати, я часто, признаюсь, демагогически цитировал с трибуны съездов и сессий Народных депутатов СССР, четко отмечается, что, несмотря на свои различия по размерам территорий, численности населения, экономическому потенциалу, союзные республики равноправны, и ни одна из них не имеет никаких юридических преимуществ перед другой.

— *Вы же сами неоднократно повторяли, что текст Конституции СССР, стало быть, и политико-правового комментария к ней, ничего общего не имел с реалиями жизни.*

— Наверное, или я не так выражался, или вы меня не так поняли. Дело в том, что при необходимости заинтересованные стороны очень даже ловко и толково использовали букву и дух Советской Конституции. Именно Конституция позволила всем республикам на законном основании отпочковаться от СССР. Именно строкой Конституции прикрывались Баку и ОБСЕ, рассуждая о территориальной целостности Азербайджана. Однако вернемся к суду над КПСС.

— *А вы сами были «за» или «против» суда над КПСС?*

— Конечно, был против суда, который состоялся в Москве после распада СССР. Во-первых, сам глава России за несколько лет до этого был кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, членом ЦК КПСС (между прочим, в половине вчерашних союзных республик президентами стали бывшие члены ЦК, а то и Политбюро ЦК КПСС). Во-вторых, ни по каким законам, начиная с римского права, нельзя судить восемнадцать миллионов человек. Судить можно было конкретных лиц, виновных в совершении конкретных преступлений.

— *Вы часто повторяли, что литератор должен в рассказе не рассказывать, а показывать, раскрывать образ или тему. Не смогли бы вы показать суть и смысл понятия «достоинство» или, еще точнее, «достоинство лидера, избранного народом».*

— Я не очень готов отвечать на такой конкретный вопрос. Однако, соблюдая правила наших диалогов, должен согласиться на экспромт. Конечно, достоинство — это категория нравственная. Собственно, это то, что отличает человека от животного...

— *У животных тоже есть достоинство. Известно, что волк своей гордостью отличается от дворняжки. Об этом легенды сложены, песни написаны. Есть прекрасная песня Владимира Высоцкого.*

— Нечто подобное есть и у людей. Свободный человек даже блеском своих глаз отличается от раба. Но вы передо мной поставили конкретную задачу — «показать суть и смысл достоинства лидера, избранного народом». Я думаю, здесь надо вслух поразмышлять о том, каким должен быть избранник народа и каким он не должен быть. Беру то, что лежит на поверхности. Лидер, ставший гарантом Конституции, взявший на себя заботу о судьбе народа, не должен говорить даже другу того, что пожелал бы скрывать от врага. И это не потому, что дружба может дать трещину, и тогда бывший друг проболтается. Это принцип. Он должен знать, что если не проложить тропку к сердцам людей, то они не захотят с ним общаться. Он должен уметь убедить народ не языком, а делом. Должен знать, что все беды этого мира — лишь недолговечная роса: как только солнце встанет над землей, она испарится. А для лидера солнцем является совокупный труд, воля, дух и мужество народа, которого надо любить не как свое дитя, а как своего отца. Он должен на своем лбу написать слова, которые при каждом взгляде в зеркало ему напоминали бы о том, что терпение и смирение нужно иметь и для мира, и для войны, что он просто обязан удаляться от конкретного человека, если даже тот находится в родстве или близок с ним; что один враг — это очень много, а тысячи друзей — очень мало; что самый остроумный и самый умный ответ дуракам — молчание, что истинный лидер, если даже его избрали всего пятьдесят процентов плюс один голос, должен думать и действительно заботиться даже о тех, кто ненавидит его...

— *Но ведь это очень трудное дело. Что-то в вашем совете есть противоестественное: заботиться о человеке, который тебя ненавидит. Вы же сами хорошо знаете, как трудно воплощать в жизнь библейские заповеди. Трудно перебороть себя...*

— В христианских заповедях ничего противоестественного нет. Да, надо преодолеть, перебороть себя. С этим трудно справиться воинствующему закостенелому атеисту, но зато легко

простолюдину. Однако, коль уж ты, страдая «синдромом власти», решил-таки стать не просто лидером народа, а его избранником, то ты должен и впрямь преодолеть самого себя. Ведь человек, ненавидящий тебя, — это еще далеко не плохой человек. Если на минуту выключите диктофон, я найду в одной из моих записных книжек мысли мудреца, который будто специально иллюстрирует мои аргументы... Нашел. Но тут больше мой комментарий к словам японской писательницы десятого века, нежели цитата из нее. Она вошла в энциклопедические словари как «величайшая писательница японского Средневековья» Сикибу Мурасаки. И представьте: в пору, когда человечество понятия не имело о такой науке, как социология, она провела своеобразное социологическое исследование, дабы выявить для себя, кому дано право давать оценку сущности того или иного человека. И выяснила, что практически все люди только о себе хорошего мнения, только себя они считают честными, в том числе и отпетые воры. И дабы не выглядеть судьями тех, кто норовит быть судьями, она написала спокойный текст-рекомендацию: «Каждый устроен по-своему, и нет человека, который был бы законченным злодеем. Нет и такого, кто сочетал бы в себе все достоинства. Каждый хорош по-своему. И трудно сказать, кто же действительно лучше».

— *И эта женщина говорит с нами из десятого века?*

— Да. Двадцать два года жила в десятом веке и шестнадцать в одиннадцатом. Современница Григора Нарекаци.

— *А что еще есть в вашем блокноте, относящегося к этой японской писательнице?*

— Вы, небось, успели забыть ее имя...

— *Разумеется...*

— Только не думайте, что я всегда помнил. Просто знал, в какой из записных книжек я ее поместил. Да, есть еще одна просто гениальная мысль. Вот послушайте: «Как все-таки странно, что мелочи вдруг приходят на память, а то, что глубоко волновало когда-то, с годами забывается».

— *Прямо как о нашей сегодняшней действительности. Мы успели подзабыть о Шуши и создании регулярной армии, но зато часто вспоминаем вещи случайные, незначительные.*

— В том, что забываем о главном, виноваты мы сами. Один из великих людей, отец армянской публицистики Егише написал в жанре художественной публицистики летопись Аварайрской битвы, и вот уже шестнадцать веков поколение за поколением не забывает, выражаясь вашими словами, о величии этого

сражения, которое и сегодня поддерживает дух нашего народа. Ведь там решалась судьба наша: быть или не быть нам христианами. А мы запрятали сотни, если не тысячи телекассет в архивы. И уже выросло поколение, которое мало что знает о Шуши, который для нас больше, чем победа, а о регулярной армии слышит и читает только, как говорится, чернуху. Я понимаю, что повторяюсь...

— *Тема эта вечная, и повторов не избежать. По крайней мере, не повторы свидетельствуют об осязаемом предчувствии того, что наши диалоги двигаются к концу...*

— Это значит — подходит к концу наша книга.

— *Может, именно поэтому мы стали ударяться в философию.*

— Собственно, попытка с помощью жанра диалогов добратся до истины, являющейся, по выражению моего коллеги Авиценны, душой Вселенной, это уже «ударяться в философию»...

— *Кстати, один наш читатель, регулярно следящий за нашими диалогами, философски заметил: «Жаль, что слово, если даже оно исходит из сердца, не в состоянии изменить нашу жизнь, нашу судьбу».*

— Лев Толстой, Герберт Уэллс и десятки других мыслителей, в том числе и Уильям Сароян (об этом я писал в «Литературной газете»), фатально разводя руками, жаловались на судьбу, мол, зачем они родились писателями, если сотни их книг не в состоянии хоть на йоту изменить этот мир? А мудрый Омар Хайям вообще рыдал: «Для чего я родился на свет, если в мире все равно ничего изменить не могу?» Но вот мне хочется всем этим великим усопшим и ныне здравствующим сказать, да так, чтобы они непременно услышали: «Успокойтесь, мудрейшие из мудрейших! Вы ведь, сами того не подозревая, данным вам Богом талантом, с зажженными от божьей искры душой и сердцем как раз делали все, чтобы ничего не менять ни в этом мире, ни в человеке. И в этом ваше величие. Вместо того, чтобы менять мир и человека, вам лучше приложить свои усилия, чтобы сохранить все то, что создано Божьим замыслом: и Природу, и Человека, и Мораль».

— *Но воспримут ли ваше обращение к «мудрейшим из мудрейших» те, кто не верят в Бога, то есть «научные атеисты»?*

— Для них я могу выразиться иначе. Пусть они слово Бог заменят словом «эволюция» или словосочетанием «история человечества». Главное — воспринять саму идею: никакие гении, никакая идеология не должны ставить перед собой задачи изменить мир, изменить человека. Вспомним, как говорили во

времена Горбачева: «Для того чтобы претворить в жизнь призыв «Больше социализма!», надо начать перестройку с самого себя. Лишь тогда мы сумеем успешно бороться за нового человека». Я не думаю, что наши оппоненты поймут нас на слове, обвинят в патриархальщине. В том, что мы против прогресса. Я лично ничуть не против обновления жизни. Да и смешно вообще об этом говорить. Просто всю свою, как говорится, сознательную жизнь придерживался принципа: «Все прогрессы реакционны, если рухнет человек». Для нас куда важнее еще один принцип: «Вперед к дедам!» Это означает — не забывать их уроки.

— *Например...*

— Например, со всей ответственностью осознать, что они завещали нам свои принципы, согласно которым упавший духом гибнет раньше срока, что блаженны подавляющие свой гнев и прощающие людей... Нечто подобное говорил и мой дед.

— *А расскажите о вашем деду, о котором вы вспоминаете во многих ваших книгах.*

— Да, у меня есть целая книга, которая называется «Мой дед хлеб резал стоя». И слова эти я высек у него на могиле в Степанакерте. Так он выражал свое уважение к пахарю и сеятелю, мельнику и хлебопеку. Так он отдавал честь самому хлебу как спасителю народа, как голове всему. Сейчас я продолжаю эту традицию. И эту эстафету уже взял мой сын. Я, действительно, много писал о деду. Я уже говорил, что он мне не родной дедушка, во всем Карабахе он был известен как Кери Маркос. Но судьба сложилась так, что уже с начала Второй мировой войны в нашем доме осталось всего двое мужчин — шестидесятипятилетний дедушка Маркос и я — дошкольник. Я, конечно, тогда не мог осознавать и воспринимать число — шестьдесят пять. И сейчас, когда мне самому еще больше, я думаю, что дед в моей памяти остается человеком, которого я впоследствии в своих дневниковых записях называл «безграмотным Аристотелем».

Хочу привести один пример. В начале шестидесятих годов, работая врачом на Камчатке, в газете «Камчатский комсомолец» под рубрикой «Уроки дедушки Маркоса» еще при жизни деда я делился с читателями не просто воспоминаниями о «безграмотном Аристотеле», но и о его мудрости. Однажды рассказал о том, как дед, обратив внимание, что бабушка за что-то похвалила моего младшего брата Борика, улучив момент, сказал мне: «Если Борик сделал что-то хорошее и бабушка его похвалила, то ты не завидуй ему. Ты сам сделаешь что-то хоро-

шее, и тогда бабушка тебя похвалит». Мы с братом были погодками и росли душа в душу, никогда ни в чем не завидуя друг другу. Правда, я не очень понимал, почему, собственно, не надо радоваться, когда бабушка хвалит брата. На далекой Камчатке, где из-за продолжительной непогоды подолгу не получали почту и газеты с материка, две местные газеты («Камчатская правда» и «Камчатский комсомолец») были в такие дни единственным источником информации. И каждая семья получала их. Так что может и поэтому тоже был большой читательский отклик на публикации о дедушке Маркосе. Исключения не составила и эта публикация о том, как брату надо относиться к успеху брата. И вот, спустя десятилетия, в пору страстного увлечения китайской философией я обнаружил нечто невероятное и тотчас же вспомнил моего «безграмотного Аристотеля». В семнадцатом веке в Китае жил мудрый философ и писатель по имени Хун Цзычен. Он чуть ли не буквально слово в слово говорил то, что мне доводилось в детстве слышать от дедушки Маркоса. Правда, сегодня мудрость Цзычена для меня ассоциируется не только с именем моего деда. Создается впечатление, что этот мудрый старец еще три века назад словно адресовал свои слова нам, армянам, живущим в конце двадцатого века. Ей-богу, если прислушаться к совету этого человека, то, думается, мы очень быстро вышли бы из создавшейся критической ситуации. Вот что он писал: «Вину за промахи нужно брать на себя наравне с другими. Но в то же время не нужно претендовать наравне с другими на заслуги. Когда у людей заслуги равны, то между ними вспыхивает вражда. Можно разделить с другими их тяготы, но не следует делить с ними заслуги. Тот, кто разделяет чужую заслугу, тот возбуждает ненависть к себе».

В другом месте Хун Цзычен, развивая эту же тему, добавил: «Поистине настигнет вас беда, если вы, не замечая чужие заслуги, будете выпячивать свои». Не потому ли нас сегодня настигла беда, что сразу по окончании Карабахской войны началась некая переоценка ценностей. Тему эту мы с вами не раз пытались раскрыть, но сейчас в аспекте философской формулы Цзычена воспринимаем ее, я думаю, по-другому. Дело в том, что беда не только уже настигла нас, но она продолжает еще и усугубляться, ибо причина остается не устраненной. Нам надо, не ударяясь в другую крайность, с огромной осторожностью выдвигать на чиновничьи должности тех, кто воевал. Особенно тех, кто выпячивает свои заслуги. Заслуга одна. Народная. Еще неизвестно,

кто больше сделал для победы: тот, кто командовал на фронте, или тот, кто доставал муку. Само противопоставление фронта и тыла уже омерзительно. Этого нельзя делать подобно тому, как нельзя противопоставлять левую руку правой. Знаете, почему сегодня так часто мы наблюдаем, мягко говоря, элементы неприязни друг к другу? Только потому, что не прислушиваемся к голосу философа: «Кто разделяет чужую заслугу, а тем более, кто на себя берет чужую заслугу, тот не только теряет друга, но и приобретает врага». Чтобы этого не происходило, государство должно платить за нравственность, за действенность исторической памяти народа. Эти вопросы тоже первостепенные.

Мы с вами много говорили о приоритетах. Невольно пришли к тому, что приоритеты подчас теряются в хаосе и суете нашей жизни. Мол, сам черт ногу сломит. А ведь, приглядишься, даже в хаосе и суете есть свои закономерности, своя гармония. Надо только и в такой непростой ситуации попытаться увидеть завтрашний день, заглянуть в будущее. Читая все того же Хун Цзычена, я подумал, что он из глубины веков видел наши сегодняшние будни и проблемы. Вот что он писал о кажущемся хаосе и суете: «В мире десять тысяч вещей, в человеческой душе — десять тысяч чувств, на земле — десять тысяч дел. Но если смотреть на них помрачневшим оком, они предстанут бессмысленной путаницей. А если смотреть на них прозревшим оком, во всем обнаружится незыблемый порядок».

В сегодняшней хаотичной и суетной Армении можно обнаружить свой «незыблемый порядок», ибо во всем, что предстанет перед нашим взором, имеются свои закономерности, свои причины. Их всего лишь нужно подвергнуть анализу и потом взяться за дело, за приоритеты. Следует учесть, что труднее всего приходится человеку, который все время терзается в сомнениях и всю жизнь пребывает в суете. То же самое можно сказать о целом народе.

Я думаю, все же будет правильно, если время от времени будете перебивать меня. Конечно, меня устраивает и жанр монолога, ибо писатель, собственно, всю свою жизнь именно этим и занимается.

— Честно говоря, я несколько раз хотел было перебить, но сдержал себя. Какими бы притягательными ни были мысли приводимых вами философов, все же экстраполировать их на сегодняшний наш быт не так-то просто. Слишком много бедных. Слишком уж обозлены люди. Бедные не могут помочь бедным. И что могут сказать на этот счет ваши философы?

— Прежде всего мне хотелось бы сказать от себя. Мы бывали в еще худшей ситуации. Но во все времена об армянине говорили как о добродетельном человеке. А добродетельный человек, как утверждают те же философы, который по бедности не в состоянии помочь бедным и страждущим, встретив заблудшего, постарается открыть тому глаза. Человека, находящегося в затруднительном положении, он может одним словом успокоить, даже избавить от трудностей. Странное дело: когда у нас не было государства, государственности и институтов государства, армяне именно такими и были. Были выраженно добродетельными. Но вот, начиная с девяностого года, словно нас подменили.

— *Не нас подменили, а государство. Нам показалось, что декларация независимости автоматически решает все проблемы. Меня интересует такой вопрос: как могли наши добродетельные соотечественники так страшно обмануться?*

— Во-первых, не готовый к свободе народ находился в состоянии глубокой эйфории от самого факта принятия независимости. Ведь выборы первого президента прошли всего через три недели после принятия независимости на референдуме. Во-вторых, наш добродетельный соотечественник должен от кандидата в президенты не программы какие-то требовать, не ответы на вопросы, заданные на тусовках, а философски спрашивать у будущего государя: знает ли тот, что если в доме нет хозяина и всем распоряжаются слуги, то в доме том непременно воцарится бесовщина и помрачение? И если опять вспомнить философов, то знает ли сам народ, что государь непременно должен обладать следующими четырьмя достоинствами: твердостью, знанием, милосердием и чистотой? Конечно, предвыборная пропаганда может усыпить народ и убедить, что тот или иной кандидат в вожди обладает всеми этими четырьмя достоинствами. Но при этом избиратель должен твердо знать, что достаточно у избранного им президента хотя бы раз появиться корыстной мысли, как твердость тотчас же обернется малодушием, знание — безрассудством, милосердие — жестокостью, чистота — порочностью.

У более чем десятка философов разных народов и разных эпох я встречал схожие мысли о том, что над людьми и над миром вознесется лишь обладающий бескорыстием, а тот, кто чересчур уж заботится о своей репутации, не сможет помогать людям.

— *Вы полагаете, что в наше, как вы любите часто говорить, непростое время можно помочь страждущим проповедями?*

— Философия — это не проповедь. Кстати, сама проповедь — наука очень даже необходимая тоже. Однако всему свое время. Философия — это наука о том, как преодолеть себя, предупредить беду. Не моралисты, не юристы, а философы именно в непростое время, когда все в отчаянии поносят друг друга, предупреждают: когда судишь других, ищи в их вине отсутствие вины, и тогда в людях будет согласие. Когда же судишь себя, ищи вину там, где ее не видно. Тогда твои добродетели еще более упрочатся. Когда воюешь с негодяями, оставляй им путь к отступлению. Быть с ними самоцельно и упрямо беспощадным все равно, что закупорить мышиную нору: мыши сдохнут и отравят все вокруг. Когда делаешь добро, не думай о себе. Тогда горсть зерна одарит тебя милостью тысяч пудов хлеба. Когда, помогая другим, бахвалишься своей щедростью и требуешь от людей благодарности, то сотня золотых не принесет тебе пользы даже и на половину медяка. Особенно это касается тех, кто защищал родину. Не им ли мудрейший Хун Цзы-чен советовал: в получении награды не будь впереди других; в совершении добрых дел не будь позади других?

— *Мне думается, говоря о проблемах нашего непростого времени, надо вспомнить о незаменимой роли церкви, о нашей религии вообще, о таком универсальном учебнике, как Библия. Создается впечатление, что мы еще не совсем избавились от влияния «научного атеизма»... Многие даже не знают, что заповеди «не убий», «не укради» исходят из Библии. Я вообще не очень воспринимаю формулу: «Церковь отделена от государства»...*

— Все, что связано с судьбой народа, не может быть отделено от государства. Церковь всего лишь отделена от бюджета, ибо она находится на самофинансировании. Мало того, немалые средства идут в церковную казну именно благодаря государству, которое освобождает благотворителей от налогов за оказание ей помощи. И когда мы говорим, что бесплатной нравственности, как бесплатного здравоохранения, не бывает, то, пожалуй, имеем в виду, что особенно сегодня в создавшейся тяжелой ситуации платить должна церковь. Речь идет, в первую очередь, о духовном воспитании подрастающего поколения. Посмотрите, сколько малолетних попрошаек шастают по дорогам и весям страны! Здесь есть над чем ответственно, программно подумать святому Эчмиадзину. Поистине, речь пойдет о богоугодной программе, которая не только спасет юные души, но и предупредит беду. Что же касается библейских заповедей, то здесь мы не только должны идти в народ со Свя-

шенным писанием в руках, но и активно внедрять предмет философии в школах и вузах. Ведь кроме библейских «не убий», «не укради», есть бесконечное множество элементарных философских заповедей. Приведу лишь некоторые, повторяю, лежащие на поверхности: «Не враждуй с низшим человеком», «Не давай обещаний сгоряча», «Не сердись во гневе», «Не строй планы в радостном возбуждении», «Не думай о предстоящих делах уставшим», «Не ищи милости людей, дабы не заслужить их ненависть, это уже успех», «Не припоминай друзьям и близким старых обид», «Не создавай слишком мудреного представления о человеке; суди о нем просто», «Учись опускаться до уровня тех, среди которых находишься», «Не вдавайся в крайности как в оскорблениях, так и в извинениях», «Не приводи в исполнение ни одной необдуманной мысли».

Можно вспомнить действительно бесконечный перечень мудрых заповедей, выведенных философами. Но я делал записки даже в детстве, прислушиваясь к разговорам бабушки Маркоса с родственниками. Вот только некоторые из них: «Если брат случайно, неожиданно даже для себя, невзначай «не так» глянет на жену брата, то он должен пойти и повеситься»; «Если тебе очень плохо, то найди время и посети родных и близких на кладбище. Если же тебе очень хорошо, опять сходи к ним. Это нужно тебе». Вот уже тридцать лет я посещаю деда, когда мне тяжело и когда мне хорошо.

— Конечно, человечество вообще и армянство в частности потеряло очень многое, когда плоды урбанизации вытеснили Домострой, изменили деревенский уклад жизни, совместное проживание дедов и внуков. Разрывалась связь времен, терялась эстафетная палочка поколений. С одной стороны, казалось, ничего не поделаешь, мы имеем дело с издержками цивилизации и прогресса, с другой — с отсутствием действенности прикладной философии и церковных институтов, благодаря которым на протяжении веков сохранялись и связь времен, и эстафета поколений. Именно эти спасительные институты спасали и нацию, и ее культуру и помогали преодолевать трудности, которые бывали и похлеще нынешних. В этой связи на финише наших диалогов, думается, будет правильным, если мы поговорим о роли философии или, условно, об уроках «дедушек Маркосов» (ведь дедушка Маркос, по сути, образ собирательный, у всех у нас они были и есть) в деле воспитания людей — от мелкого чиновника до президента. Сдается мне, что многие из них, дорвавшись до власти, до служебного кабинета, до государственной должности, в самое короткое время ре-

шают свои личные дела, обеспечивают свои тылы, создают определенный запас прочности для своей семьи, устраивают своих детей, а далее «хоть трава не расти», «после меня — хоть потоп». Далее живут себе, как Швейцария, соблюдая нейтралитет по отношению ко всему, что творится в мире.

— Что касается этого нейтралитета, а точнее — безразличия по отношению к тяготам своего народа, то еще великий Данте Алигьери заметил: «Самые жаркие угольки в аду оставлены для тех, кто во времена величайших нравственных переломов сохранял нейтралитет». Да и для власть предержащих у многих философов можно обнаружить нужную мысль: «Добиваться власти для своего спокойствия и безопасности — значит взбираться на вулкан для того, чтобы укрыться от бури».

— *А буря — это народ?*

— Собственно, вулкан тоже народ. Однако, если призадуматься, то буря — это кара. Об этом должны хорошо знать власти предержащие. И сегодня, и завтра, и всегда.

— *Речь идет о первых лицах?*

— Речь идет обо всех. Кстати, только у нас говорят не «первое лицо», а «первые лица». Я, конечно, не сомневаюсь, что, как тысячу раз уже повторял, у нас в этом отношении скоро будет все по-человечески, все как у людей, как в нормальной семье, в которой есть один хозяин. А остальные члены семьи должны заниматься каждый своим делом. Кстати, великий Леонардо да Винчи был и философом тоже. И он сравнивал семью с природой, добавив при этом: «В природе все мудро продумано и устроено: всяк должен заниматься своим делом, и в этой мудрости — высшая справедливость жизни». И логика этой жизни исключает такую возможность, чтобы во главе семьи (равно как во главе государства и армии) были два человека. И представляете, великий художник остроумно сравнил такой нонсенс, как двоевластие, с жизнью в курятнике: «Куры под одной крышей живут в мире и согласии. А вот два петуха никогда не могут ужиться в одном курятнике — уж такова их природа».

— *Горбачев был единоличным лидером. И к чему он привел страну? Да еще какую страну!*

— Горбачев окончил два высших учебных заведения, но мой безграмотный дед был в тысячу раз мудрее его. Жили мы в Степанакерте возле военного городка, в одноэтажном доме с симпатичным садиком. Дедушка Маркос где-то уже после войны все жаловался, что деревья в саду зачахли, надо их менять.

Бабушка в ответ твердила: «Вместо того чтобы каждый год говорить одно и то же, взял бы да и сделал это». А дед в ответ: «Если я сразу поменяю все деревья, то на три-четыре года мы останемся без тутовых ягод, без абрикосов, без яблоч, я уже не говорю о сливе и груше». И немного погодя, добавлял: «Хозяйство в одночасье не переделывают, не перестраивают, ибо это приведет к другим трудностям». Разумеется, дед не знал, что многие века назад ученые мудрецы предупреждали правителей, а стало быть и предпринимателей, и даже садовников: «Всякая перемена, всякая перестройка прокладывает путь другим переменам, другим перестройкам». Это значит: если ты взялся перестроить, скажем, коровник или овчарню, то должен подумать и о том, куда ты устроишь своих коров и овец в пору строительства нового помещения. Однако ученые мудрецы о таких вещах не пишут, ибо, как говорят у нас в Арцахе, «полное слово говорят ослу». Кстати, об осле. Тот же Леонардо да Винчи искренне писал о древнем символе Карабаха: «Осел готов носить все тяготы и лишения. А упрямым его величает всяк, кому самому недостает выдержки и терпения».

— *Перейдем от осла к Горбачеву. Точнее, к проблеме чиновников, к проблеме вождей.*

— Многие, придя к власти, начинают убеждать и себя, и других, что им вовсе не нужно обладать всеми добродетелями, что достаточно выглядеть человеком, обладающим ими. Это типичный макиавеллизм.

— *О каких добродетелях конкретно идет речь?*

— О многих: совесть, стыд, честность, милосердие...

— *Какие философские наставления и девизы вы предложили бы власти предержащим хранить у себя на столе под стеклом?*

— А зачем под стеклом? Я бы предложил их вывешивать на стене, где раньше висели портреты Ленина и Сталина, а сейчас — новоявленных вождей. На самом видном месте, чтобы всяк входящий прочитал и задумался: «Стыд — это страх честности перед позором»; «Жестокость — это порождение злого ума и трусливого сердца»; «Поспорьте со мной, ибо спор — решето истины»; «Для хозяина этого кабинета лучше смерть, чем усталость». Много их, девизов, не хватит стен даже самых просторных кабинетов.

— *Считаете ли вы, что каждый, скажем, президент должен иметь рядом не штатного советника по тем или иным вопросам, а мудрого, доброго, строгого наставника, который будет ему говорить правду и помогать находить выход из трудной ситуации?*

— Не считаю. Ибо, как правило, многие, пока добираются до власти, успевают проходить уроки жестокости и лести, обмана и самообмана, себялюбия и тщеславия, наслаждения от реализации принципа «Нет человека — нет проблемы!» Поэтому многие правители бедного наставника превращают в жалкого шута. Правителю, будь то король или президент, царь или премьер, нужен... страх. Страх перед неотвратимой карой. Ему не надо говорить, что нужно быть решительным. Философы так ортодоксально в лоб не говорят. Ибо самодуры тоже могут быть в своих действиях решительными. Философы убеждают, приводя примеры. Они говорят: «Кто меньше полагается на милость судьбы, тот дольше удерживается у власти и у того в стране бывает порядок».

— *И пример можно привести для иллюстрации этой сентенции?*

— Николай Второй, говорят, не увлекался философией, а ведь в его время в самой России была плеяда великих мыслителей. Недавно я узнал из воспоминаний о последнем русском царе, что даже Льва Толстого и Ивана Тургенева он читал лишь после отречения. А ведь, кроме всего прочего, Российская империя распалась по милости жалкого царя, который, извините за каламбур, полагался на милость судьбы.

Я не признаю термин «внутренний враг», ибо он мало чем отличается от словосочетания «враг народа». Но, увы, термин этот существует уже давно. Мы же заменим его на слово «оппозиция». Нельзя своего соотечественника называть «врагом». Соотечественник может быть преступником, но называть его «врагом» — в этом есть что-то от гражданской войны, когда брат убивает брата, когда большевик Сароян готов был перегрызть горло своему брату, меньшевику Сарояну. Поэтому, перефразируя некоторых философов, скажем: «С оппозицией можно бороться двумя способами: законом и силой. Первый способ присущ человеку, второй — зверю». Когда эти слова разные мыслители чуть по-разному произносили, у человечества еще не было танков и резиновых дубинок. Давно известно, что шум оружия заглушает голос закона.

Помнится, даже при социализме худо-бедно проводилась хоть какая-то взвешенная кадровая политика. По крайней мере, в некоторых социалистических странах, к примеру, в Венгрии, в Германской Демократической Республике, кадровая политика велась открыто, прозрачно: заранее были известны не только кандидаты на первые лица, но и их дублиеры. И

открытость, прозрачность создавала атмосферу, при которой никто не рыл другому яму. У нас ударились в другую крайность: имя кандидата на ту или иную должность стали держать в строгой тайне, дабы обладатели компроматов не дискредитировали будущего руководителя. Есть у нас еще одна трудность, которую чиновники называют «проблемой между вторым и первым». Это когда второе лицо рано или поздно занимает кабинет своего шефа. Хотя хорошо известно, что, как утверждают социологи и психологи, многие люди по сути своей являются вторыми...

Есть такая детская игра, которая начинается с того, что пацаны громко вопрошают: «Кто моя лошадь?», «Кто моя лошадь?» Но вот на фоне шума-гама раздается скромный голос: «Чья я лошадь?» Это действительно природа. Одни рождаются, чтобы быть поэтами, другие кузнецами. Одни рождаются, чтобы быть лидерами, другие — заместителями. И не дай Бог, если по воле судьбы или по другой причине рожденный быть замом станет хозяином кабинета лидера.

— *Вот именно об этом я и хотел справиться у вас, вернее, у философов, чьи труды, касающиеся вопросов государственного управления или государей, вы специально штудировали для концовки нашей книги.*

— Об этом есть целая прорва мыслей у Макиавелли, имя которого нередко звучало в наших диалогах. Я вообще часто перечитываю этого доброго и злого гения и по-своему люблю его. Но сейчас хочу обратиться к Томасу Морю. Среди легендарных социалистов-утопистов Мор занимает особое место уже потому, что он вошел в историю не только как гуманист и писатель, но и как государственный деятель. Он был лорд-канцлером Великобритании. В 1535 году был казнен только потому, что отказался дать присягу королю. Как никто другой, знал он чиновничью кухню государства. И тем ценнее его мысли: «Гордыня и жажда суетной славы и власти — вот та ядовитая змея, которая, раз проникнув в вельможные сердца, внедряется в них до тех пор, пока разобщением и рознью не сокрушит все, что есть: ибо каждый стремится быть сначала вторым после первого, потом равным первому и, наконец, главным и выше первого».

С тех пор прошло пять веков, но словно не изменилась природа властей предрежащих. Да что там пять веков. Думаю, ничего, по большому счету, не изменилось со времен Спарты. А это как-никак уже тридцать веков. И, пожалуй, правителей во

все времена объединяла эта самая «ядовитая змея», которая проникает в «вельможные сердца». Мне кажется, беда приходит в народ и в государство, когда правитель начинает страдать синдромом высокомерия.

И происходит это потому, что высокомерие, по Мишелю Монтеню, складывается из чересчур высокого мнения о себе и чересчур низкого о других. Вот почему десятки мыслителей считали, что самый мерзкий правитель тот, кто страдает высокомерием.

— *И мерзкое это качество проявляется, в первую очередь, по отношению к тем, кто умнее и талантливее правителя, кто пользуется любовью и уважением народа. Это все те же философы, писатели, ученые, словом — интеллигенция.*

— Чаще именно при высокомерных монархах страдала интеллигенция. Она просто голодала при них. И если такой монарх давал кусок хлеба тому же философу или писателю, то полагал, что делает одолжение. Высокомерному монарху и в голову не приходило, что речь идет не об одолжении, а о долге. Тот же Мишель Монтень, которому самому нелегко дался кусок хлеба, думаю, не случайно однажды заговорил о великом аскете Диогене: «Когда философ Диоген нуждался в деньгах, он не говорил, что одолжит их у друзей; он говорил, что попросит друзей возвратить ему долг». У каждой эпохи есть свои Диогены, в том числе и в Армении. Правитель должен знать, что многим людям дано узреть плоды своих дел, а вот семена, разбрасываемые гениями, всходят медленно.

— *Часто вы повторяете, что выше поэта может быть только поэт. Вы это можете доказать?*

— Во-первых, поэт — прежде всего пророк, во-вторых, сам Творец тоже поэт, иначе природа не была бы столь гармоничной, как стихотворная строфа. Приведу крохотный пример: не врач, не естествоиспытатель, а именно поэт выразил поразительную и в то же время слишком прозаическую мысль, ставшую тактикой и стратегией профилактической медицины. Звали его Тассо. Жил он в Италии в XVI веке: «Движение может по своему действию заменить любое средство, но все лечебные средства мира не могут заменить действие движения». Вообще в древности многие философы были профессиональными поэтами и писателями. И такое сочетание помогало им выражать свои мысли кратко. Великий автор великого «Дон Кихота» Мигель Сервантес в юности грешил стихами, а после завершения эпопеи о самом популярном рыцаре всех времен и

народов занялся философией. И вот что он писал о ситуации, в которой мы сегодня оказались...

— *Ситуация у нас непростая. Что вы имеете в виду, вернее, что имел в виду сам Сервантес?*

— У нас в стране, с одной стороны, царит патологическая праздность, с другой — вынужденная лень, с третьей — нищета. И написал он об этом всего лишь одну фразу, к которой, кстати, прислушивались государственные мужи Испании, когда страна при жизни Сервантеса, в конце шестнадцатого — начале семнадцатого веков, переживала ситуацию, похожую на нашу сегодняшнюю. Он вывел формулу, которую восприняла страна: «Беду ни праздностью, ни ленью не поправишь».

— *Я где-то читал, что несколько лет назад ученые проводили социологическое исследование и выяснили, что если бы человечеству пришлось выбрать всего одну книгу для того, чтобы представить планету Земля во Вселенной, то оно выбрало бы «Дон Кихота».*

— Ничего удивительного. Это ведь энциклопедия мудрости. Книга притягательна не столько рассказом о нравственных похождениях честного, наивного рыцаря и его верного оруженосца, сколько бесконечными философскими отступлениями, схожими с библейскими проповедями и притчами.

— *Самое удивительное, что величайшего писателя многие современники не воспринимали. Он же сам признавался в том, что невозможно написать произведение, которое удовлетворило бы вкусы всех читателей. Что же говорить о простых, так сказать, смертных писателях?*

— Собственно, как он мог угодить всем читателям своего времени, если, познакомившись с национальной армией, писал: «Иные командиры наши не подозревают, что жестокость не может быть спутницей доблести». Не правда ли, тема уж больно актуальна для нашего недавнего прошлого? И еще: как могли современники безоговорочно принимать Сервантеса, если он, обращаясь к вельможным прихлебателям, питающимся с королевского стола, произнес: «Когда малодушный трус попадает в фавор, он наглет и не боится оскорблять людей, более значительных, чем он сам». Когда те же вельможные прихлебатели или даже сам король хвалили придворных версификаторов (стихоплетов) и мазил, он прилюдно заметил: «Похвала хороша лишь тогда, когда хорош тот, кто хвалит». Если толстосум, отдав кусок хлеба голодному, кричал об этом на каждом углу, то на стене его дома выводили слова Сервантеса: «Пусть молчит тот, кто дал, пусть говорит тот, кто получил».

— *Есть одна уязвимая сторона у выдающихся поэтов, писателей, философов, имеющих влияние на своих современников: они в разные периоды своей творческой биографии придерживались разных концепций, разных принципов. Вы сами говорили, что совокупная память современников похожа на магнитную ленту — она ничего не забывает. Отсюда и снижение планки доверия к тому или иному влиятельному представителю интеллигенции...*

— Я категорически не согласен с этим. Есть одна милая шутка, в которой правды больше, чем шутки: если ты до тридцати лет не воспринимаешь идеи социализма, значит, у тебя нет сердца, если же ты после тридцати продолжаешь воспринимать их, значит, у тебя нет головы. Практически все «веховцы», а ведь речь идет, по сути, о великих русских философах, поначалу были марксистами. Впоследствии все они в многочисленных своих трудах, особенно в сборниках «Вехи» и «Из глубины», разоблачали большевизм, как никто другой. Никто не корил Черчилля за то, что до тридцати лет он был консерватором, после стал либералом, а к пятидесяти годам не только вернулся в Консервативную партию, но даже возглавил ее. Моя, как я ее часто называю, боевая подруга Сильва Капутикян не только честно призналась, но и по-христиански публично раскаялась по поводу того, что в молодости резко критиковала первого секретаря ЦК Компартии Армении сталинской поры Григора Артемьевича Арутюняна. Под многими расстрельными списками стояла и подпись Григора Арутюняна, однако было доказано, что он буквально спас десятки тысяч соотечественников от верной гибели. Собственноручно подписал письмо на имя Сталина, убеждая его, что Карабах — это Армения. И здесь нет противоречия. Здесь есть реалии. Философы утверждают, что не только люди противоречат друг другу, но и сам человек постоянно пребывает в противоречии с самим собой. Лишь истина не может противоречить истине.

— *Но ведь идея, идеология — не имеет значения, красная она или белая — зачастую приводила к преступлению, к крови. Я, например, считаю, что даже тот, кто за идею проливает кровь в собственной стране, должен, рано или поздно, ответить хотя бы перед судом истории. Даже если современники строили им триумфальную арку, все равно таких надо судить. Я не повторяюсь, я развиваю тему, которая у нас сегодня, как никогда, звучит актуально.*

— Я всю жизнь был против жестокого принципа «ценой малой крови предотвратить большую кровь». Ибо нет гарантии, что на практике идея эта может оправдаться, как нет га-

рантии и того, что принцип этот в реальной жизни содержит в себе мораль. Но для суда истории, на мой взгляд, есть другой девиз. Это слова Джордано Бруно, произнесенные им перед тем как палач поджег костер, на котором заживо сожгли великого мыслителя: «Лучше достойная и героическая смерть, чем недостойный и подлый триумф». Кстати, этот великий философ был и поэтом.

— *Опять поэт?..*

— Да, и прекрасный поэт Джордано Бруно перед смертью сам себя цитировал. Это был конец шестнадцатого века. Его сожгли в тысяча шестисотом году. Это было время, когда инквизиция толпами казнила всех инакомыслящих, обвиняя их в ереси. А великий ученый и поэт Бруно занимался не только тем, что развивал гелиоцентрическую космологию Николая Коперника, не только выдвигал концепцию о бесконечности и бесчисленном множестве миров во Вселенной, но и осуждал инквизицию. Написал язвительную комедию «Подсвечник», поднимал дух сограждан своей бессмертной публицистикой, которую назвал «Героический энтузиазм». Даже о науке писал, что она «есть наилучший путь для того, чтобы сделать человеческий дух героическим». Ибо «стремление к истине — единственное занятие, достойное героя».

Со школьной скамьи для меня бесконечно притягателен был образ Бруно. В нем есть нечто от философии Егише, обесмертившего себя, кроме всего прочего, волшебной формулой: «...Осознанная смерть — бессмертие». Поэт Джордано Бруно прекрасно знал, что его не просто казнят, а сожгут на костре. И, зная об этом, спокойно излагал на бумаге свои мысли, ставшие завещанием для всех последующих поколений, которые смело повторяли за ним: «Там обо мне будут верно судить, где научное исследование не есть безумие, где не в жадном захвате — честь, не в обжорстве — роскошь, не в богатстве — величие, не в диковинке — истина, не в злобе — благоумие, не в предательстве — любезность, не в притворстве — умение жить, не в тирании — справедливость, не в насилии — суд».

— *Чему должен учить отец своего сына в сегодняшней нашей жизни?*

— Жить по принципам, выработанным нашими предками.

— *Каковы эти принципы?*

— Если близкий тебе человек попал в беду, то надо сначала вывести его из затруднения, лишь потом читать ему нравоучения. Сильный человек никогда не совершит преступления.

Надо, чтобы сын твердо знал: ничего страшного в том, что земля для нас и мать, и могила. Главное, защитить землю как защищают мать. Никогда не надо забывать, что несправедливость, допущенная в отношении одного человека, является реальной угрозой всем. Надо, чтобы сын знал, что если когда-нибудь доведется ему руководить людьми, он не должен, как это часто бывает, изо всех сил добиваться того, чтобы его боялись. Ибо так он прежде всего заработает ненависть людей.

— *Говоря об уроках, которые должен усвоить сын, окончательно переходим к разделу о завтрашнем дне. Мы не раз уже касались темы о завтрашнем дне, но уяснили, кажется, одно: и в прошлом, и в настоящем мы наблюдаем только недовольство...*

— Почему? Люди всегда прошлым бывают довольны. Хвалят минувшие дни, дедушкины и бабушкины нравы, подобно словам поэта: «Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя». Люди полагают, что истинное счастье можно было наблюдать только при виде безмятежных детей, собравшихся с родителями у домашнего очага. И, напротив, охаивают лишь настоящее. Был такой английский философ и, кстати, публицист Эдмунд Берк, который, фатально вздыхая, признался: «Жаловаться на свой век, неодобрительно отзываться о власти предержавших, оплакивать прошлое, связывать самые несбыточные надежды с будущим — не таковы ли все мы?» Что ж, таковым был Берк в семнадцатом веке, таковы мы уже в двадцать первом. Так что ничего не изменилось.

— *Все же хоть какую-то малость изменились лишь мы сами. Иначе ведь и не могло быть. Вот так с ходу от социализма к капитализму — разве возможно при этом оставаться прежними? Раньше говорили о развитом социализме или призывали: «Больше социализма!» Нынче мы уже кричим: «Больше демократии!»*

— Набили уже оскомину слова Черчилля о демократии, которую якобы нужно терпеть хотя бы потому, что человечество ничего лучшего пока не придумало. Но, может, великий человек не знал, о чем говорили задолго до него не менее великие люди: «Идеальная демократия — самая постыдная вещь на Земле». Нам остается приноровиться к сегодняшним реалиям и помнить, наверное, что государство, которое не способно изменяться, не способно и сохраниться. Примеров тому тьма, и в первую голову Советский Союз. Есть одна железная истина, которую должен твердо знать народ: государство для народа, а не наоборот; правительство — изобретение человеческого ума, а посему люди имеют полное право пользоваться им по своему

усмотрению, а не наоборот. Так что, говоря о завтрашнем дне, не надо полагать, что мы должны войти в него с новыми принципами и нравами. Не надо каждому новому правителю или правительству изобретать велосипед. Им надо помнить, что если будет плохо народу, то будет несносно и им. Ничего в нас, по существу, в двадцать первом веке не должно меняться. И в двадцать первом веке мы должны знать, что предвидеть — значит управлять. Что надо бояться больше всего гнева терпеливого человека. Души людские побеждаются не оружием, а любовью и великодушием. Отсюда и осознание того, что власть без любви — вещь страшная.

— *Это все общие принципы. У нас же речь идет конкретно о судьбе Армении, о судьбе все тех же задач Айдата — армянского вопроса. При этом надо помнить, что, скажем, дети любят только настоящее. Они не воспринимают суть мечты. Их нельзя кормить обещаниями. Им куклы и мороженое нужно сейчас, когда их сверстники имеют красивые игрушки и едят вкусное мороженое. Не дадим всего этого им сегодня — завтра они разочаруются в самой Родине.*

— Вся моя надежда на то, что эти ваши слова прочитают власти. Увы, все, о чем вы сейчас сказали, верно для любой государственной системы. В советское время проводили социологический опрос в школе: «Кто кем хочет стать?» Один мальчик ответил: «Я хочу быть первым секретарем райкома». Его спросили, почему. Мальчик ответил честно, как обычно отвечают дети: «Потому, что у сына нашего первого секретаря райкома есть велосипед, ему даже привозят из Еревана мороженое». Я, конечно, понимаю: те, кто по телевидению рекламируют увлекательные и сладкие для детской души и детского желудка прелести, должны подумать о тех десятках, если не сказать сотнях, тысячах, миллионах детей, родители которых не в состоянии купить хотя бы раз в году эти самые прелести. Однако никуда не денешься от реального свободного рынка и капитализма вообще. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись. То же самое ведь происходит во всем мире. Просто в некоторых странах стараются придать этому самому капитализму человеческое лицо.

— *Я понимаю, конечно. Жизнь пошла суровая, и надо не только приноровиться к ее суровости, но и сделать все, чтобы исправить положение.*

— Вы хорошо сказали: приноровиться к суровости жизни и исправить положение. Это моя тема. Я хочу ее раскрыть. А вы только не перебивайте меня.

— *Хорошо. Пусть будет ваш монолог.*

— Суровые уроки, о которых вы говорите, наш народ претерпел многие тысячелетия. Сколько раз нашу национальную лодку в безбрежном штормовом океане кидало из стороны в сторону, и черпала она воду то левым бортом, то правым. Однако, находясь даже на вершине девятого вала, мы знали одно спасение: не охать, не ахать, а только навалиться на весла и грести-грести до кровавых мозолей, ни на минуту не забывая, что в лодке находятся твои дети, твоя мать.

И сегодня, может, как никогда, надо остервенело грести, презрев жужжание омерзительных мух, норовящих сесть на кровавые мозоли, презрев одной только своей греблей тех, кто продолжает «пока еще» делать ставку на нефть, полагая, что кровь людская — водица.

«Все — суета, все преходящий сон». Так писал Аветик Исаакян, давая нам понять, что суета пройдет, как преходящий сон, только при условии, если мы сумеем побороть в себе прежде всего суетное сознание. Ибо лишь тогда появится в нас спасительное истинное сознание, которое поможет нам трезво оценить реальную ситуацию. Поможет найти свое место, определить свою роль в нелегкой борьбе за претворение в жизнь нетленного принципа, доказывающего, что даже в самые трагические времена, когда судьба, казалось, отвернулась от нас навсегда, есть возможности для счастливых перемен.

Самое нелепое и даже странное то, что мы просто взяли да и забыли главное: что дальнейший наш исторический путь мы пройдем свободными людьми. Сегодня мы уже не клянем свою судьбу, не отправляем мешками письма главам многих стран, жалуясь на то, как нас убивают, насилуют, врываются в наши дома, выгоняют нас на улицу. Нет ничего унизительнее, чем прослыть традиционным жалобщиком с бумажным половником в руках. Кстати, расчетливый английский премьер Ллойд-Джордж уже не цинично, а довольно мудро заметил: «Жалоба — это презрение к самому себе... Жалуясь, человек опускается, а опустившегося никто подымать не станет».

Мы уже на нашем новом пути не должны беспрестанно задним умом корить себя за бесчисленные ошибки. Их просто надо спокойно признать, исправлять и извлекать из них уроки, сознавая, что ошибка — это человечно, а вот прощение божественно. Не надо торопить время. Всему есть свой срок. Природа во всем определила свои оптимальные сроки. Мы, например, слишком торопились с бесчисленными боевыми и

трудовыми наградами, я уже не говорю о том, что у нас генеральские погоны вдруг стали расти на плечах молодых людей, как грибы после дождя. Мы забыли, что еще древние говорили: «Награждая героев, тем самым наказывают трусов». Но они не преминули добавить, что страшно, когда делается это с точностью до наоборот.

Нельзя, сделав первые шаги к созданию нового государства, у которого нет традиций, обходиться без обязательных, как закон, принципов. Государство, подобно хозяину семьи, должно быть не скупым, а бережливым. А уж тем более оно не должно походить на женщину-транжирку. США делали первые шаги, внемля советам Бенджамина Франклина: «Если покупаешь то, что тебе не нужно, то скоро будешь продавать то, что тебе необходимо». Причем советам этим внимало не только государство, но и все граждане. Здесь уже просветительская деятельность мудреца помогла распространению его принципов в народе.

В новоиспеченном государстве следует с уважением относиться к труду чиновника. За этим хорошо следили основатели США: первый президент Джордж Вашингтон и его преемник Джон Адамс обдуманно принимали слова своего коллеги Бенджамина Франклина, который предлагал тщательно выбирать чиновников, не обремененных тщеславием. Они должны получать высокую зарплату, но при этом помнить: «Если хочешь крепко спать, возьми с собой в постель чистую совесть». Чиновник, конечно, по природе своей должен быть и буквоедом, и джентльменом, но при этом должен, как отца своего, уважать землепашца. И Бенджамин Франклин, ничуть не задевая чувств джентльмена, часто повторял: «Землепашец, стоящий на своих ногах, гораздо выше джентльмена, стоящего на коленях».

Не всегда в государстве бывает все нормально: засуха, наводнение, землетрясение, войны, конфликты, забастовки, инфляция и все такое прочее. Но во всех случаях все, начиная с главы государства, кончая самым мелким чиновником, должны твердо помнить то, о чем мы говорили здесь в вашем кабинете перед диктофоном: «Настоящая честь — это решение делать при всех обстоятельствах то, что полезно народу». Кстати, и главе государства, и мелкому чиновнику нужно каждую минуту помнить формулу Франклина: «Что начинается гневом, кончается стыдом». Этот великий гражданин планеты больше всего ненавидел правителей-интриганов, чиновников-интриганов и советовал им каждое свое утро начинать с заповеди: «Я

ни о ком не буду говорить плохо, но расскажу все хорошее, что знаю о каждом».

Прошу прощения за столь пространный экскурс в историю первых шагов могущественного государства, но сделал это лишь потому, что сегодня мы сами находимся в самом начале пути создания или даже возрождения армянского государства. Я не предлагаю слепо копировать чужие шаги. Однако твердо знаю, что мудрость никому еще не мешала. Оставаясь самим собой, надо сделать все, чтобы предупредить беду и сотворить счастье своему народу.

— *Вы часто пишете о сверхзадачах. Какие сегодня, в создавшейся ситуации, у нашего народа сверхзадачи?*

— У народа всегда есть свои сверхзадачи, предопределенные Богом. Это жить на своей земле. Рожать и растить детей. Сохранять и обогащать родной язык. Поддерживать огонь в родном очаге, при этом держа рядом с плугом винтовку... Народ нельзя просто так беспокоить, теревить ему душу, спекулировать его фантастическим долготерпением. Именно народ по-настоящему оценивает спасительную значимость избавления от синдрома жертвы. Избавляться следует без шума оркестра, делать это, как пахари, в тиши, без «лозунгов энтузиастов». Это тоже известно давно. Когда хочешь созидать, нельзя полагаться на энтузиазм. Не случайно мудрецы заметили, что Бог вынужден был даровать людям энтузиазм, чтобы возместить отсутствие разума.

Я видел печальные глаза солдата, которого ударил по лицу командир. И подумал о том, как один из величайших полководцев мира Наполеон был безбожно строг со своими маршалами и как он был божественно прост и любезен с солдатами. Это он сказал, что «бить солдата — значит лишить его чести, а без чести солдат не солдат».

Не только битый солдат лишается чести, но и любой битый юноша. Речь, конечно, не об уличных потасовках или своеобразных дуэлях. Речь о дедовщине в любом ее проявлении. Ибо нет ничего омерзительнее, чем поднять руку или повисить голос на человека, который лишен возможности тебе ответить. Солдат или любой юноша — это человек, а не зеркало, лишенное памяти.

— *Вы обещали, что ваше, так сказать, «последнее слово» должно быть обращено к молодежи.*

— Зная, что именно у молодых цепкая память, я хочу, чтобы они уяснили для себя библейские заповеди именно сейчас.

Потом будет поздно. Учитывая, что кумиры ныне чаще всего рождаются не на спортивной площадке и не на поле боя, а на митингах и на трибуне парламента, нужно строго соблюдать принцип: «Не сотвори себе кумира». Но этого мало. Важно помнить, что и самому не надо стремиться быть кумиром. Ибо история показала, что истинными кумирами люди становятся после смерти, спустя изрядное время, а при жизни чаще всего кумир — это злодей.

Я бы молодым посоветовал не путаться в терминах, когда взрослые спорят до хрипоты о политике, а лишь критически осмыслить, что, если кто-то с пеной у рта выступает, скажем, против социализма, то это еще не значит, что он демократ.

Какое бы призвание ни даровал армянину Бог, какую бы специальность он ни обрел, он должен непременно изучать ратное дело, свою историю и географию своей родины. Это нужно для того, чтобы помнить всю свою жизнь одну истину: государство начинается с территории и кончается с ее утратой.

Я готовился к моему «последнему слову», видя перед собой молодых солдат, молодых ученых, молодых журналистов, молодежь вообще. Хочется напомнить, что есть принципы, которые выполняешь не задумываясь, подобно тому, как не задумываешься над тем, как дышишь, не слышишь, как бьется твое сердце. Это значит, к примеру, всю свою жизнь не утрачивать способности к сопротивлению и противостоянию. Надо помнить, что против любого яда есть противоядие. Против бессилия — сила, против безволия — воля. Даже против СПИДа есть уже «Арменикум» и другие средства. А против патологической жажды власти — божья кара и суд истории. Остановимся несколько подробнее на такой страшной патологии, каковой является «жажда власти». Кстати, кто-то метко заметил, что не СПИД являлся чумой двадцатого века, а именно жажда власти.

Бойтесь людей, которые страдают этим страшным недугом. Для них нет ничего святого. Жажда власти — это наркомания. Не только родину, но и родную мать готов продать и предать такой человек, чтобы дорваться до власти. Таких примеров немало как в давней, так и в недавней истории многих стран. Один из выдающихся представителей легендарной армянской династии Лазаревых Ованес Лазарян писал великому русскому полководцу Александру Васильевичу Суворову о том, к чему привела зловещая жажда власти в Карабахе: «Армения давно потеряла свою самостоятельность. Только карабахцы и поны-

не остаются в независимости. Однако их сила приведена в расстройство из-за несогласия между собой меликов, которым воспользовался магометанский хан и усилил власть над ними». А ведь междоусобица зародилась по причине слепой жадности власти, неумных амбиций.

На самом, пожалуй, ответственном участке нашего исторического пути главной, приоритетной является, конечно, проблема молодежи. Выросло новое поколение, которое плохо или очень плохо владеет русским, не подозревая, что одно только это повсеместное явление рано или поздно приведет к массовой беде. Конечно, можно только приветствовать, что всюду появился соблазн изучать английский и осваивать компьютер. Но нам, отцам и дедам этого нового поколения, нужно довести до сознания молодежи, что хорошее владение русским языком в Армении всегда являлось больше чем просто традицией — это было стратегией; что любой компьютер сам по себе не умнее деревянного карандаша. Умным бывает только и только человек, который бывает, увы, и глупым тоже.

Недавно на севере Арцаха в одном из воинских подразделений я встречался с восемнадцати-двадцатилетними солдатами. Это как раз те, кто сидели на плечах отцов во время первых митингов в Степанакерте и Ереване. Коротко подстриженный розовощекий юноша задал вопрос: как возможно, что по телевидению и в печати, в том числе в московских средствах массовой информации, поносят на чем свет стоит нашу Родину, даже нашу армию? Как при этом радуются во всеулышание нашим недостаткам, смакуя их. Лица у ребят были серьезные, сосредоточенные. Судя по тому, как бурно поддерживали солдата его однополчане, я понял, что эту тему они и раньше обсуждали. Кто-то, словно в оправдание, сказал, что нечто подобное позволяют себе в отношении своей страны и некоторые русские журналисты и общественные деятели. Ребята не были против критики армянской действительности. Просто их бесил сам факт, что армянские политики и журналисты с каким-то злорадством поносят Армению в зарубежных средствах массовой информации, предназначенных для иностранцев. Я их хорошо понимал, этих юных «погононосителей» с бронзовыми от ветра и солнца лицами. Но ребята вели себя столь активно, что мне не было надобности вступать в их разговор. Лишь под конец, соглашаясь с ними, я сослался на авторитет Пушкина, который, находясь вечно в опале, однажды честно признался: «Святая Русь мне становится невтерпеж. Я, конечно, презираю

отечество мое с головы до ног, но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство».

Мы в этой книге много говорили о таком горе, как эмиграция. Говорили и о том, что нет большего несчастья, чем в дни бедствий вспоминать лишь о минувшем блаженстве. Что вернуть надо не веру в прошлое, а веру в будущее. Что чем меньше белых пятен мы оставим сегодня на нашем пути, тем больше света будет в будущем и тем счастливее станут наши дети и внуки, у которых должны быть новые учителя. Не случайно князь Отто фон Бисмарк сразу после победы над Францией в 1871 году и объединения немецких земель сказал в своей тронной речи в качестве первого рейхсканцлера новоиспеченной Германской империи: «Франко-прусскую войну выиграл сельский учитель». Не сомневаюсь, что то же самое по праву можно сказать и об армянском учителе, воспитавшем легендарное поколение, которое ценой крови впервые за тысячи лет вернуло нам часть РОДИНЫ и честь НАРОДА. И вот за легендарным поколением пришла потомки, не обремененные идеологическим грузом сталинского тоталитаризма и мародерством постсоветского переходного периода. Потомки, которые сегодня шагают по историческому маршруту тернистого пути. Потомки, которые в ходе преодоления моисеева марафона должны действительно осознать, что ни о каком достоинстве человека не может быть и речи, если нет экономического достоинства, которое можно обрести, лишь избавившись от ненавидящих собственный народ грабителей. Потомки, которые сегодня находятся в подростковом, отроческом, юношеском возрасте, став хозяевами родной земли, никогда не позволят дышать одним с ними воздухом мародерам и раскольникам, действующим по принципу «чем хуже, тем лучше». Потомки, которые должны соблюдать выработанный народом принцип: «Цена любви — любовь». Потомки, которые уже сегодня на уроках «сельских учителей» осваивают истину, что все, произошедшее в 1988 году, рано или поздно должно было непременно произойти. И нет сомнения, что чем позже оно бы произошло, тем тяжелее прошли бы все процессы, включая и кровь, и голод, и холод. Из уроков «сельских учителей» ученики непременно усвоят, что на долю отцов и дедов поистине выпало счастье проливать кровь, голодать и мерзнуть только для того чтобы в будущем не проливали кровь, не голодали и не мерзли их дети и внуки. Ибо, повторяю, рано или поздно произошло бы то, что уже произошло. И случилось это тогда, когда мы не были расколоты.

На новом этапе исторического пути мы должны нести знамя древней культуры, без которой звезда нашего народа расплывится и сольется на небе с другими звездами. Мы должны шагать уже не только с поднятыми к небу крепко сжатыми в кулак пальцами, но и с новым символом — плечами, крепко прижатыми друг к другу. Помня при этом о вещих словах, вложенных Моисеем и библейскими пророками в уста философов-праведников: «Свободные народы должны неутомимо и с ревностною бдительностью охранять свою свободу... Свободные народы должны твердо знать, что можно завоевать свободу, но нельзя ее обрести вновь».

Такова историческая правда, исходящая из исторического опыта. И за тысяча семьсот лет христианской жизни армянский народ, пройдя сквозь тысячи бед и кручин, не раз преодолел себя и побеждал врага лишь потому, что четко уяснил: не в силе Бог, а в ИСТИНЕ.